

Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества

Выпуск 15

*«Лишь в те моменты истории, когда мы переставали воображать,
будто кто-либо, из живущих за пределами России, желает ей добра –
всё становилось на свои места: зёрна падали вниз, пшеница росла вверх,
воздушные замки превращались в каменные крепости,
а пушки – стреляли без промаха...»*

Л. Н. Пищик

САРАТОВ
2022

УДК 94(470.4)
ББК 63.3(235.547)я43
Н60

**Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского
генеалогического общества. Вып. 15.**

Саратов: Изд-во ЦГО, 2022. – 240 с., 4 с. ил.
ISBN 978-5-6041871-8-0

Пятнадцатый выпуск продолжающегося издания Царицынского генеалогического общества. Выходит с 2009 года. Включён в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Содержит статьи по истории, генеалогии, геральдике, биографике, краеведению, некрополистике и другим специальным историческим дисциплинам. Будет интересен и полезен всем ревнителям истории Среднего и Нижнего Поволжья и Придонья.

**УДК 94(470.4)
ББК 63.3(235.547)я43**

Все материалы настоящего выпуска публикуются в авторской редакции. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за содержание статей, точность приведённых фактов, цитат, статистических данных, собственных имён и иных сведений несут авторы публикуемых материалов.

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение материалов сборника возможно только с письменного разрешения издателя, при условии обязательной ссылки на НВИС ЦГО. Любые попытки нарушения этих требований будут преследоваться в судебном порядке.

Царицынское генеалогическое общество:
<http://www.gen-volga.ru>
E-mail: info@gen-volga.ru

ISBN 978-5-6041871-8-0

© Астафьев Е. В., 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Царицынское генеалогическое общество, 2022

*Евсюков Дмитрий Евгеньевич,
историк-краевед, г. Москва*

Новые сведения по истории возникновения и развития сл. Успенской (Рудня) в XVIII в.

Не одно поколение исследователей волновали исторические подробности и нюансы возникновения слободы Успенской – Рудня. Многие краеведы затрагивали эти вопросы в своих работах, среди них: В. А. Гончаров, А. А. Лемешкин, И. П. Натрусный, А. А. Рзянин¹, Е. В. Хорошунов. Большой вклад в систематизацию сведений по истории Рудни внёс видный российский историк, член Императорского Русского географического общества А. Н. Минх.

Мы не будем пересказывать сведения, изложенные в этих трудах, а сфокусируемся лишь на ряде новых фактов. Дело в том, что в процессе изучения документов по истории Терсинского железодельного завода², стало ясно, что их содержание не ограничивается одними лишь производственными вопросами. Только в выявленных делах фонда Берг-коллегии РГАДА содержатся более 200 различных документов³, выпущенных самими разными ведомствами, среди которых кроме Берг-коллегии (Берг-директориума и Берг-конторы) такие центральные учреждения как Камер-коллегия, Сенат, Военная коллегия, Канцелярия Петровских заводов, Корчемная канцелярия, Главный магистрат, Тайная канцелярия, Канцелярия опекунов иностранных, кроме

¹ Наиболее полным исследованием видится труд А. А. Рязина, датированный 1988 г. [45], который сам автор назвал рефератом, не претендуя на новые открытия, а обобщив уже опубликованные материалы и сообщённые ему другими исследователями сведения.

² См. статью «К истории Терсинского железодельного завода купца И. Морозова», размещённую в данном выпуске, в которой подробно рассмотрена история завода и приписных заводских крестьян.

³ Среди них различные указы, промемории, доношения, регламенты, челобитные, прошения, верительные письма, обязательства, рапорты, протоколы (в т.ч. допросов), журналы, инструкции, справки, расписки, квитанции, выписки (экстракты), ордера, ведомости (описи), росписи, а также частная переписка.

того, Казанское горное начальство, Низовая соляная контора, а также другие местные учреждения (воеводские, комендантские, гражданские канцелярии, магистраты, ратуши и т.п.) как губернского, так и уездного уровня в Астрахани, Царицыне, Дмитриевске, Белгороде, Саратове, Шацке.

Выявленные документы проливают свет на самые разные стороны жизни населения Рудни в XVIII в., дают информацию о происходивших вокруг процессах. Поэтому возникла идея изложить эти факты в виде отдельной статьи, объединив со сведениями, выявленными в других фондах и архивах.

Для начала необходимо пояснить несколько общих моментов для понимания исторического контекста. К особенностям возникновения поселения на месте будущей Рудни относится то, что возникло оно в 1-й половине XVIII в. на малозаселённых пустующих территориях, статус земель которых ещё не был однозначно определён, а административное устройство только формировалось. Здесь селились множество беглых крестьян, нашедших убежище в этих глухих местах. На характер поселения в первые десятилетия его существования оказывали влияние различные лица и ведомства: заводчики Морозовы и Берг-коллегия, соляное ведомство, управляющие Нарышкиных, Канцелярия опекунов иностранных, уездные и губернские канцелярии Царицына, Дмитриевска (Камышина), Шацка и др., а также поселившиеся в округе ясачные и дворцовые крестьяне, беглые, участники восстания Емельяна Пугачёва и др.

Известно, что Рудня возникла на землях, которые были пожалованы боярину Л. К. Нарышкину (дяде Петра I) в 1691 году. Ещё в 1977 г. в официальном ответе из Москвы И. П. Натрусному архив древних актов (ныне РГАДА) сообщил об обнаруженном спорном деле Л. А. Нарышкина с гр. Разумовским, в котором упоминалось о пожаловании земель слободы Успенской его прадеду Л. К. Нарышкину» [48, с. 11–12]. Хотя в Руднянском музее архив И. П. Натрусного не сохранился, удалось выявить сам документ, на которой ссылался архив в своём письме¹.

¹ На полях упомянутого спорного дела, датированного 1802–1804 гг. [1, л. 34], ручкой записан год пожалования по летоисчислению от Р. Х. Вероятно, сотрудник архива при подготовке ответа на запрос сделал

Если быть более точными, 25.07.1691 г. в вечное потомственное владение боярину Льву Кирилловичу Нарышкину пожалована дворянская Конобеевская волость Шацкого уезда, угодья которой прежде состояли в оброке у крестьян Шацкого уезда. Но село Конобеево находилось рядом с Шацком, что даже по прямой от Рудни составляет примерно 400 км... Что касается рассматриваемой нами территории, то здесь находились лишь бортные угодья («ухожья») упомянутой волости, в частности, Шубенский по реке Медведице с притоками включая Терсу, а также рыбные ловли и бобровые гоны [16, л. 140–140 об.], [19, л. 11].

Конечно, если учесть все «прилагавшиеся» к пожалованной Конобеевской волости бортные угодья (их было 777! [19, л. 11 об.], [43, с. 8]), рыбные ловли и бобровые гоны, то эти владения Л. К. Нарышкина были поистине огромными – они распространялись на существенную часть территорий нескольких будущих губерний: Саратовской, Тамбовской и Рязанской. Однако, во-первых, границы этой территории не были чётко определены (размежёваны), во-вторых, ещё не сформировался единый принцип, как поступать с поселившимися на подобных землях людьми, которые успели построить дома, распахать землю и т.п. Такая ситуация впоследствии привела к бесконечным тяжбам Нарышкиных с жителями возникших здесь в конце XVII в. – первой пол. XVIII в. поселений. Так, уже в 1694/95 г. боярин жаловался Петру, что на его землях самовольно селятся люди разного звания [55, с. 4].

Важным процессом, оказавшим влияние на первых поселенцев, было активное административное переустройство и размежевание земель на этих территориях в последней трети XVIII в. Так, завод был построен в 1743 г. на территории Астраханской губернии, первая перепись заводских работников была проведена в 1744 г. ведомством города Дмитриевска (будущий Камышин). С 1747 г. приписные заводские крестьяне числятся в Царицыне, через который осуществлялась переписка с Берг-коллегией по управлению заводом. Затем в 1750-е гг. в части оплаты подушной

соответствующий расчёт и получил 1690 г. (этот же год указан в заметке краеведа). Однако это значение не вполне корректно, так как такое соотношение верно только для периода с сентября по декабрь, а пожалование произошло 25 июля 1719 г., то есть 25.07.1691 г.

подати завод снова был передан в Дмитриевск, где его работники и прописаны по 3-й ревизии. При этом с 20-30-х гг. поблизости возникают новые посёлки ясачных крестьян (Терса и Елань на реке Терсе, Невежино, Князевка и Колоно – на Медведице), которые оплачивали подушную подать в Керенске.

Что касается бортных ухажьев Конобеевской волости владения Нарышкиных, то ещё с XVII в. они административно относились к Шацком уезду, и даже в 60-х гг. XVIII в. спорные дела в отношении поселившихся в окрестностях Рудни ясачных крестьян вышеперечисленных посёлков рассматривались в Шацкой провинциальной канцелярии.

В конце 1760-х гг. в документах опекунского межевания слобода Рудня господ Нарышкиных отнесена к Саратовскому уезду, а село Успенское – Рудня бывшего железного завода заводских и ясачных крестьян, располагавшееся внутри (!) владений Нарышкиных, – к Дмитриевскому.

В 4-й ревизии 1782 г. обе части Рудни записаны в Аткарской округе. И только с 5-й ревизии они окончательно вошли в Камышинскую округу, а затем уезд, где и состояли на протяжении последующих полутора веков.

Отличия населения двух частей Рудни, как по происхождению, так и по сословной принадлежности на многие десятилетия определили изолированный характер соседства жителей, проживавших, по сути, в одном населённом пункте, что проявилось, в частности, в практически отсутствовавших фактах бракосочетаний между ними примерно до середины XIX в. Село – это приписные заводские крестьяне¹, причисленные затем в разряд ясачных, а позже государственных казённых крестьян, преимущественно русские, но также из мордвы и поляков. Слобода – это первоначально вольные малороссияне, работавшие на заводе и на соляных промыслах, позже крепостные Нарышкиных, а затем Четвертинских. В списках населённых мест по сведениям 1859 г. записаны два населённых пункта Рудня: деревня казённая и слобода владельческая [50, с. 55], в 1912 г. два крестьянских общества:

¹ О статусе приписных крестьян подробно рассказано в статье об истории завода.

1-е бывших в собственности князей Четвертинских и 2-е бывших государственных [51, с. 22–23].

Принято считать, что Рудня возникла на рубеже XVII–XVIII вв. Оставив пока вопрос документального подтверждения времени возникновения первого поселения на месте слободы Рудни и происхождения первых жителей для будущего исследования, направим внимание на рассмотрение некоторых событий, происходивших здесь в первые десятилетия после постройки Терсинского завода.

Успенская церковь

По данным А. Н. Минха, в 1701 г. в Рудне уже действовала церковь [39, с. 843]. Для соотнесения этого факта с последующими сведениями и выяснения возможного местонахождения этой церкви необходимо изучение первичных документов, с которыми работал историк (они пока не обнаружены). Согласно выявленным документам, при Терсинском заводе имелась церковь, заложенная по сообщению Морозова весной 1745 г. после весеннего половодья: «начав собою в 745 году по слитии полой воды ... церковное строение». Согласно ведомости 1746 г. в списке заводских строений первым пунктом записана «Церковь божия во имя Успения Пресвятыя Богородицы с пределом во имя Архангела Михаила. При ней 3 колокола и протчая подлежащая церковная утварь. Точию настоящая церковь еще вне совершений, а предел освящен» [11, л. 79 об., 112, 170, 219 об.].

Из последующих документов видно, что прихожанами этой заводской церкви были как приписные крестьяне, так и проживавшие при заводе малороссияне. Так, в расписке жителей за 1753 г. читаем «Приписные при Терсинском заводе, поп Афанасей Данилов ... и все крестьяне и малоросияня дали сию расписку ... заводской поп Афанасий Данилов руку приложил». То же и в 1756 г.: «К сей подписке вместо ... приписных заводских людей ... и малороссиян ... и всех при заводе жителей объявленного завода поп Афанасей Данилов руку приложил» [11, л. 252, 387, 389 об.]. В корчемном деле против Морозовой в 1758 г. упомянуты церковнослужители «при оном заводе Архангельские церкви»: попы Афанасий Данилов и Герасим Марков, дьячок Иван Захарь-

ев, причём двор Афанасия Данилова находился в селе «со входу двора Морозовой» [14, л. 56], [18, л. 773].

Обращает на себя внимание тот факт, что в 1746 г. церковь ещё полноценно не функционировала, а в 1758 г. она названа Архангельской. Это можно объяснить тем, что службы сначала совершались в боковом приделе, пока достраивалась центральная часть церкви. Подобная практика не являлась уникальной, таких примеров множество. Кроме того, иногда частное название церкви (по имени священного события или святого, в честь которого был освящён придел) становилось постоянным [36, с. 27] и даже могло закрепиться в наименовании села или местности¹. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда Руднянскую церковь временно именовали частным названием (Архангельская – в честь Архангела Михаила), пока главный престол не был освящён в честь двенадцатого праздника Успения Пресвятой Богородицы.

По сообщению А. Н. Минха, в конце XIX в. в Руднянской церкви «сохранилась икона Успения Богородицы, писанная Петром Кособруховым в 1758 году»² [39, с. 843]. Выскажем предположение, что именно после появления в главном иконостасе этой храмовой иконы и соответствующего освящения храма, за церковью уже окончательно закрепилось наименование Успенской, а у Рудни появилось второе название Успенское (Успенская), что и подтверждается последующими документами.

В 1760-е гг., когда малороссияне слободы Рудни уже находились под управлением приказчиков Нарышкиных, церковь по-прежнему числится за заводом. Так, в доношении приписных крестьян в Берг-коллегию от 1763 г. находим запись: «заводцкой Успенской церкви священник Феодор Александров³ руку приложил» [16, л. 232 об.]. Во время опекунского межевания 1767–72 г.

¹ Пожалуй, наиболее известный случай – район Якиманка, получивший название от одного из приделов, освящённого в честь Иоакима и Анны в 1684 г. в храме Благовещения Пресвятой Богородицы в Голутвинской слободе. Другой пример: село Фроловское Сасовского района Рязанской области – по приделу в честь Фрола и Лавра в церкви Николы чудотворца.

² А. Н. Минх упоминает, что эта икона передана из первой церкви. Так может быть, заводская церковь и была первой?

³ В 1767 г. упоминается священник Фёдор Алексеев [20, л. 13].

заводским крестьянам помимо отмежевания земли на число душ по 3-й ревизии и «под церковь оставлено было земли» [2, л. 54 об.], [3, л. 409 об.]. То есть в это время церковь всё ещё числится за крестьянами бывшего Терсинского железного завода¹.

Рис. 1. Межевой план слободы Успенской – Рудня крестьян Д. Л. Нарышкина, 1819-1824 г.

Согласно общепризнанному мнению, деревянная трёхпрестольная² церковь, находившаяся в центральной части Рудни на рубеже XIX–XX вв. (сгорела в 1912 г.) была построена в 1781 г. [31], [37, с. 275–276]. Можно предположить, что в этом году заводская церковь была перенесена на новое место (или построена заново) в центральной части Рудни (см. Рис. 1). Возможно, это

¹ В то же время на плане малороссийской слободы начала XVIII в. отмечено, что в опекуновское межевание на довольствие состоящих при данной церкви священно- и церковнослужителей назначено 60 десятин удобной земли. На последующих планах мы видим участки, вымежеванные 31.12.1886 г. под церковную землю как на земле бывших владельцев, так и государственных крестьян.

² Кроме упомянутых двух престолов в ней был третий, освящённый во имя Святого и Чудотворца Николая.

было связано с перемещением основного центра жизни именно в малороссийскую слободу, после закрытия завода и резкого роста численности малороссийского населения в 60-70-х гг. XVIII в. (об этом далее).

В спорных делах 1804 г. и в метрических книгах Успенской церкви слободы Рудни за тот же год упомянуты священники Иов Троецкий и Лукилиан Ильин, дьяконы Пётр Фёдоров и Аввакум Бобров, пономари Иродион Яковлев и Никанор Климов, дьячки Нефёд Дмитриев и Терентий Лукилианов [8], [28, л. 176 об.].

Когда появилось название Рудня

В изученных документах за 1-ю половину XVIII в. упоминаний о Рудне и слободе Успенской пока выявить не удалось. Так, по сведениям Е. П. Подъяпольской, между 1 и 2 ревизиями в этих краях находились следующие самовольно поселившиеся на Нарышкинских землях селения (окраина будущего Аткарского уезда): сельцо Терса, село Козмодемьянское, две деревни Елани, Неужкино и Колено – с населением 249 ясачных крестьян, и две семьи однодворцев [43, с. 28]¹. О них же упоминают в своих донесениях компанейщики П. Кольцов в 1743 г. и И. Морозов в 1744 г., как о поселившихся вблизи завода посёлках ясачных крестьян: Терса, Князевка, Неужина и Елань. Что касается Царицынского уезда, то в рамках проекта государственной колонизации ещё при Петре I здесь были поселены малороссийские слободы Дубовка, Иловлинская и Терса (в устье речки Терсы)², однако эти три и другие малороссийские слободы были уничтожены в 1728–30 гг. по указу от 20.02.1728 г. [44, Т. XVIII, № 5241].

Вместе с тем многие документы указывают на то, что малороссийская слобода Рудня выросла из поселения малороссиян

¹ Эти населённые пункты (сц. Терса и д. Елань – на речке Терсе, д. Неужина и д. Колено – на реке Медведице) записаны во 2-й ревизии в Подлесном стане Керенского уезда [22, л. 371 об.–382 об.], жители их выселились из сёл Кевда (Архангельское) и Ворона (Козмодемьянское) того же стана, которые ныне находятся на территории Пензенской области.

² Сохранились и сказки жителей этих новопоселённых слобод за 1723–1725 гг. [24].

при заводе. Так, в своём доношении в Берг-коллегию 26.04.1744 г. Морозов, жалуясь на отсутствие поблизости селений, откуда можно нанять в работу людей, а также недавний запрет записывать в ревизию пришлых¹, признаёт, что вынужден заниматься поиском малороссиян, которых согласно указу 1742 г. (об этом указе см. ниже) принимает и содержит «по добровольному их желанию за заплатные деньги по договорам», причём большинство из них с семьями, а одиноких мало, поэтому «без собственного своего поселения и жить не могут» [13, л. 223]. Через полтора года, 15.10.1745 г. он сообщает, что малороссиян «малое число имеется» [12, л. 128]. Сами старожилы малороссийской слободы сообщали (в 1767 г.), что их слобода поселена самовольно в 1742 г. на «дикопорожней государевой земле»² [3, л. 409 об.], [4], [6]. В 1746–56 гг. малороссияне в документах упоминаются исключительно как работники при заводе Морозова, без указания названия самой слободы: «жительствоющих для тех работ по вольности своей малороссиян» [11, л. 106] и что их слобода «по минувшей 2 ревизии для заводских работ поселена» [16, л. 322].

¹ Имеются в виду донские казаки, работавшие на заводе в 1743 г. – этот случай рассмотрен в статье об истории завода.

² То же показывают в 1763 г. и заводские крестьяне, объявляя, что завод «заведен на дикой порожней земле» в 1742 г., и поясняют, что, прожив здесь с 1741 г. в течение года – «тогда к оной земле владельцев никого не оказалось» [16, л. 231]. Очевидно, что в начале 1740-х гг. про Нарышкиных здесь ещё никто не слышал. Заводчики прибыли сюда через Царицын, где о жалованной грамоте на Конобеевскую волость могли попросту не знать, так как она управлялась из Шацкой провинциальной канцелярии (Шацк и Царицын даже по прямой находятся более чем в 600 км друг от друга). Разумеется, и поселенцы-малороссияне считали, что поселились здесь на свободной государственной земле. Но главное ни о каком населённом пункте на месте будущей Рудни ни заводчики, ни малороссияне не упоминают. Кроме того, трудно усомниться в том, что приписные крестьяне и малороссияне существенно ошиблись с годом поселения, вспоминая о событиях 20–25-летней давности. Как видим, эти факты не соответствуют сведениям о времени возникновения Рудни, сообщённым А. Н. Минхом. Таким образом, вопрос о существовании на этом месте другого поселения до 1742 г. остаётся открытым до выявления конкретных документов, с которыми работал историк.

При этом по ряду фамилий из документов второй пол. 1750-х гг. подтверждаются их родственные связи с жителями Успенской слободы – подданными Нарышкиных, записанными в 4-й и более поздних ревизиях (подробнее – см. далее).

Впервые название Рудня выявлено в документе, составленном в октябре 1758 г.: «в селе Архангельском – Рудня тож»¹ [14, л. 68 об.], а в 1761 г. встречаются такие упоминания: «поселившаяся слобода Рудня малороссиянская», «по приезду в село Рудню на ... построенном купцами Морозовыми железном заводе», «как села Рудни малороссийской атаман, так и все малороссияне, так и приписные к тому заводу староста со крестьяне». В 1762 г. говорится о «находящимися поселением в слободе Рудне вольными малороссияны» [16, л. 143, 150 об., 193 об., 194 об.].

Также в документах упомянуты: в 1764 г. – село Успенское, в котором проживают «приписные к тому заводу люди», в 1765 г. – приказчик слободы Успенской – Рудня Егор Дубровский, а также село Рудня, в котором проживала вдова Морозова [16, л. 236 об., 293, 316].

В ходе опекунского межевания в 1767 г. производится съёмка владений «слободы Успенской – Рудня тож, в которой и заводчица Морозова имеет владение обще с малороссиянами и бывшими при заводе государевыми крестьянами» [20, л. 7–7 об.]. Также: «при снятии малороссийской Успенской слободы – Рудня тож, оказался в оной слободе ... железной завод», «вдова Морозова с детьми имеет в оной слободе Рудне жительство», а малороссияне «с помянутой заводчицей имеют общее владение» [16, л. 380–381], [21, л. 1–3]. В 1768 г. упомянута заводчица Морозова «Дмитриевского уезду села Успенского – Рудня тож» [16, л. 458].

Вышеприведённые примеры показывают, что уже в те годы малороссийская слобода Рудня и поселение заводских крестьян было одним населённым пунктом, причём чёткое разделение село-слобода в документах соблюдается не всегда. История приписных заводских крестьян была рассмотрена в предыдущей статье, здесь обратим внимание, прежде всего на малороссийскую слободу.

¹ Как видим, в 1758 г. не только церковь, но и село названо Архангельским (по названию действовавшего придела).

Малороссияне при Терсинском заводе

Следует отметить, что в начале 1740-х гг., когда Терсинский завод только строился, малороссияне в Российской империи имели широкий круг привилегий и свобод. Указами от 1742 г. их запрещено было закрепощать¹, а в работу они нанимались только по добровольному согласию. Кроме того, малороссияне имели свободу передвижения, во 2-ю ревизию их полагалось писать «для одного только известия ... а не для с них каких поборов» (п. 14 инструкции 1743 г. и разъясняющий указ 1744 г. [44, Т. XI, № 8836; Т. XII, № 9003]).

Нужно сказать, что из-за своего особого положения, малороссияне в то время часто переезжали с места на место, нанимаясь на более выгодные для себя работы, и не стремясь привязаться к какому-то одному месту проживания. Исходя из такого их положения, компаньонам приходилось выстраивать с ними чисто договорные отношения².

В ведомости И. Морозова за 1746 г. показано, что при заводе на тот момент проживало до 40 (по другим данным до 50 и более) вольных малороссиян [11, л. 112 об., 170–171, 380]. По ревизии 1747 г. – уже 120 человек мужского пола («написаны только для одного знания») [15, л. 154], [16, л. 345 об.].

Согласно росписи И. Княгинкина за 1754 г., при заводе числилось 110 малороссиян, которые «за добровольную плату» занимались заготовкой дров для углежжения и подвозкой на завод руды и извести [11, л. 355 об.]. В. Селиванов в описи 1756 г. по-

¹ Именной Сенатский 21 мая 1742 г. – О не укреплении никому малороссиян в вечное холопство и о не принуждении их ко вступлению в брак с крепостными жёнками и девками [44, Т. XI, № 8555]. Именной Сенатский 3 июля 1742 г. – О поступлении с теми, кои в противность Высочайшего указа станут держать малороссиян неволею и крепить их в холопство, как с явными преступниками и ослушниками указов [44, Т. XI, № 8578].

² Как показано выше и в предыдущей статье, для Морозова наём малороссиян стал единственной возможностью обеспечить наличие достаточного количества рабочей силы на заводе в условиях отсутствия в округе поселений, откуда можно было бы нанять желающих работать людей с паспортами, или купить крепостных, а также после запрета компаньонам приписать к заводу не положенных в подушный оклад.

казал 115 малороссиян, часть из которых были записаны и во 2-ю ревизию, отмечая, что они по своей вольности «приходят и отходят» (хотя паспортов не имеют), нанимаясь на работу только в том случае, когда на заводе имеется такая необходимость [11, л. 392 об.–393], [18, л. 572 об.–573, 708 об.–709].

В декабре 1763 г. Анна Морозова сообщает, что помимо малороссиян, «отнятых» Нарышкиными от работ на заводе (об этом ниже), в Рудне поселились и новые. К началу 1765 г. по переписи капитана Куроедова в наличии состояло уже 170 душ мужского пола¹. За заводские работы они получали следующую плату: за поставку дров на уголь – по 30 копеек за квадратную сажень, за возку руды при рытье из неглубоких рудников – по 60 копеек сажень, за уголь – по 10 копеек за каждую четверть [16, л. 288–293, 345 об.].

Наконец, согласно 4-й ревизии 1782 г. в малороссийской слободе Успенской – Рудня (вотчине А. А. и Л. А. Нарышкиных) проживали 1270 жителей мужского и 1120 женского пола [29, л. 1078 об.], а с хуторами – 1762² мужчины и 1520 женщин. По 5-й ревизии 1795 г. (с хуторами) – 2051 мужчина и 2002 женщины [30, л. 447 об.].

Изучение мест выхода малороссиян Рудни, их конкретные занятия, в том числе на соляных промыслах, а также подробный анализ процесса закрепощения Нарышкиными – предмет отдельного исследования. Здесь ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями и отдельными фактами.

Рудня – солевозная слобода?

Известно, что, по меньшей мере, часть малороссиян слободы Рудни были чумаками, занятыми перевозкой соли с озера Эльтон.

¹ Вместе с тем, по некоторым данным в слободе Рудне с хуторами и слободой Меловаткой (владения Нарышкиных) по 3-й ревизии числилось 1324 души мужского пола [6]. Из этого числа судя по следующим переписям Рудня должна составлять примерно половину, что сильно выше, чем данные переписи Куроедова за 1765 г. Выскажем предположение, что Куроедов охватил только малороссиян, ранее занятых на заводе, тогда как вновь поселившиеся, о которых упоминала Морозова (солевозчики?) в ней не учтены.

² По имеющимся данным результат суммирования численности жителей в слободе и хуторах по 4-й ревизии даёт 1719 мужчин [29, л. 994–1098].

Так, по сведениям, собранным А. Н. Минхом, слободу в первой половине XVIII в. (помимо русских государственных крестьян) заселяли солевозчики-малороссы из Воронежской и Полтавской губерний [40, с. 95]. На рубеже XVIII–XIX вв. с северной и южной стороны не далее 10 км от Рудни проходили соляные тракты¹.

Однако, как показывают изученные документы, передача слободы в соляное ведомство произошла не сразу, а состояла она там недолго. Активная разработка соли на озере Эльтон начинается только в 1747 г. В 1750 г. по реке Медведице от речки Добринки до речки Бурлук были отведены места для стоянок скота и сенокосы для поставщиков соли, куда и прибыли малороссияне-чумаки, впоследствии проживавшие в слободе Краснояровке (Красный Яр), ставшей в начале XIX в. крупной солевозной слободой. В Рудне же малороссияне в 1740-х гг. первоначально поселились для работ на заводе, а впоследствии, в 1750-е гг. (после объявления соответствующих указов в Дмитриевске и Саратове), стали наниматься и на соляные промыслы, поскольку ещё не были закрепощены и в отличие от заводских крестьян имели возможность выбирать себе место работы. В ряде документов, в частности, от Низовой соляной конторы и Шацкой провинциальной канцелярии приводятся сведения, что после смерти Морозова его сын с матерью в больших количествах продавали сено соляным возчикам [16, л. 143]. Также при проведении в Рудне опекунского межевания, межевщик Тихменев в одном из рапортов упоминает о следующем факте: в слободе регулярно зимовали малороссияне

¹ На планах генерального межевания конца XVIII – начала XIX вв. они обозначены как «большая дорога, по которой бывает возка соли из города Новохоперска в город Камышин» или «дорога солянных вощиков». Два ответвления этой дороги как бы обходили Рудню с разных сторон. Одна часть проходила севернее слободы Богословка-Ильмень, затем внутри излучины реки Щелкан между современными сёлами Баранниково и Подкуйлово, соединяясь с дорогой, приходящей с севера (шла чуть западнее хуторов Лемешкина, Тарапатина), и пересекала реку между озером Покойным и буераком Пришиб, далее продолжалась к Медведице, которую преодолевала в районе современного села Егоровка-на-Медведице. Южная часть дороги проходила через слободу Разливку, затем шла за Ореховым, Долгим и Крутым (ныне балка Толкачева) буераками и пересекала Медведицу при слободе Краснояровке.

с волами (которым заводчик Морозов продавал сено) [21, л. 1 об.]. Вероятно, речь идёт о жителях Рудни, которые в 1750-х гг. нанимались на работы на соляных промыслах и в тёплое время года проживали за Волгой или находились в дороге.

Конкретные подтверждения наличия солевозчиков в Рудне находим в документах 1758 г. корчемного дела Морозовой. Так, «соляным вощиком» назван малороссиянин Осип Бутков¹, у которого за Волгой при соляном городке имелись четыре пары быков с телегами для возки соли с озера Эльтон [14, л. 14 об., 53 об.]. Впрочем, по остальным четырём малороссиянам, фигурирующим в деле, информации о принадлежности их к солевому промыслу не имеется, а в их дворах записан обычный домашний скот. В одном из документов 1759 г. малороссияне Рудни упоминали, что приняты в команду для возки соли. Официальная же передача в соляное ведомство произошла следующим образом.

Ещё в 1748 г. Сенатом был выпущен указ² о запрещении казакам слободских полков переход (в том числе в великороссийские губернии), который они «по черкасской своей обычности» практиковали, опираясь на прежний указ от 1742 г.³ В следующем году, указом 1749 г.⁴, таких малороссийских казаков, вышедших из слободских полков, вместе с жёнами и детьми велено было к январю 1750 г. выслать на прежние места жительства.

В Рудне конкретные мероприятия во исполнение данных указов начали осуществляться только через 10 лет. 06.05.1759 г. сю-

¹ За два года до этого, в документе за 1756 г. Осип Григорьев сын Бутков упомянут как малороссийский атаман Рудни.

² Сенатский 6 июля 1748 г. – О запрещении в Слободских полках казакам и их свойственникам и подпомощникам переходить с места на место, не токмо в Малороссийские и Великороссийские области, но и из полка в полк [44, Т. XII, № 9514].

³ Именной Сенатский 18 августа 1742 г. – О облегчении Малороссийского народа от разных повинностей в вознаграждение за убытки и разорения, претерпенныя им в бывшую Турецкую войну и от пребывания в его пределах армии [44, Т. XI, № 8600].

⁴ Сенатский 30 марта 1749 г. – О запрещении Слободским казакам переходить с места на место и из полка в полк, и о не принятии их в случае такового перехода под штрафом за пристанодержательство [44, Т. XIII, № 9592].

да был командирован подпрапорный малороссийского Рыбинского полка, причём произошло это в тот момент, когда Морозова ещё находилась в Москве по обвинению в корчемстве. В отсутствие заводчицы он объявил охранявшему завод солдату Калашникову, что малороссияне по упомянутому указу от 1749 г. должны отправиться на прежние свои жилища, либо же будут вывезены туда насильно. Собрав их, он зачитал им содержание указов и потребовал более не подчиняться Морозовым. Однако малороссияне, как позже сообщала в челобитной заводчица, «учинились противны, на прежния свои жилища не пошли» и ещё до её прибытия на завод подали в Саратов в Низовую соляную контору прошение о защите, в котором указали кроме прочего, что были заняты возкой соли [15, л. 150 об.–151].

Через пару месяцев 17.07.1759 г. в Рудню от соляной конторы прибыл поручик Гаврила Зайцев, который предложил малороссиянам перейти от завода в соляное ведомство и обещал по имевшемуся ордеру от генерала Волкова (которого, по словам заводчицы, не предъявил), что в Красном Яре им будут выделены места под хлебопашество и дано время на переселение. На словах Зайцев потребовал, чтобы малороссияне более не выполняли указания Морозовых и убрали от их дома караул. В последующих документах именно эта дата указывается как переход слободы в ведомство Низовой соляной конторы [16, л. 158 об.].

По сведениям 1761 г. Рудня уже числится в ведении Низовой соляной конторы [35, Вып. XXXI, с. 26], поскольку малороссияне, поселившиеся при заводе «по большей части соляные возчики» [16, л. 193 об.–194]. Но как покажут дальнейшие события, такое положение продлилось недолго...

Сразу после передачи в соляное ведомство малороссияне, освободившись из-под контроля Морозовых, обрушили на них всю накопившуюся злобу. Уже через два дня (19.07.1759 г., когда Морозовы были в Саратове) они ограбили караульщика в виноградном саду, затем поехали на пасеку, где избили пчельника. У жены бывшего приказчика Морозовых унесли сундук с деньгами (60 руб.), выданных ей заводчицей на домовые расходы. В декабре выловили высаженную в заводских озёрах рыбу, в январе 1760 г. по приказу поручика Зайцева увезли 68 стогов, на сумму 82 руб. Теперь уже Морозовы в феврале 1760 г. подают

челобитную на имя императрицы о своей защите и высылке малороссиян из Рудни. Берг-коллегия, заслушав доклад только через полгода, 25.08.1760 г. направила указ в сыскную команду майору Крецмору (уже упомянутому в статье по истории завода) для высылки малороссиян на прежние места жительства¹, а также уведомила об этом Соляную контору [15, л. 150 об.–160], [16, л. 151 об.–152], [17, л. 22–22 об.], [35, Вып. XXXII, с. 53].

В литературе встречается мнение, что малороссияне были в итоге высланы из Рудни, однако изученные документы показывают, что это не так. Через несколько лет, в челобитной от 10.01.1763 г. Морозовы пишут, что малороссияне «жительство и поныне имеют при заводе и нашими угодыми довольствие имеют и причиняют заводу немалое разорение» [16, л. 158 об.]. Кроме того, анализ изредка встречающихся в делах 1756–58 гг. имён и фамилий работавших при заводе малороссиян, позволяет связать их родственными связями с перечисленными в 4-й ревизии малороссиянами слободы Успенской – Рудня ведомства Нарышкиных, и сделать вывод, что большая часть из них всё-таки остались жить в Рудне и в последующие годы числятся среди их крепостных².

Волнения малороссиян, закрепощение Нарышкиными

Вскоре Нарышкины озаботились большим количеством людей, расселившихся в пределах их бортных угодий. В 1761 г. поверенный Е. А. Нарышкиной подал челобитную в Шацкую провинциальную канцелярию, из которого видно, что «в старинных крепостных шацких дачах Нарышкиных, находящихся при реках: Хопер, Вороне, Медведице, Терсе, Елани, Хопре и впадающих в

¹ В качестве основания использовались положения вышеупомянутых указов 1748 и 1749 гг., по которым вольный переход с места на место был разрешён только посполитым крестьянам в Малороссии, а не казакам слободских полков, которым даже запрещалось переходить из полка в полк.

² Так, уже упоминавшийся атаман Осип Бутков – предполагаемый отец Лаврентия, Григория и Евдокима Бутченко, записанных в ревизию 1782 г. Подобная связь прослеживается также по следующим фамилиям: Бирюков-Бирюк, Касьянов-Касьяненко, Лемешка, Плужников-Плужник, Ржевский, Толкачев-Толкач, Рудой-Руденко, Рыбалка-Рыбальченко, Таран-Тараненко и др.

них речках, поселились неизвестно какие люди, из которых называются малороссиянами, завладевшие ея землями: пашут, сеют хлеб, косят сено для скота, построили много хуторов, завели пчельники, мельницы и заводы» (цитата по [52]). Как уже показано в статье по истории завода, Нарышкины в том же году выиграла это дело против ясачных крестьян.

В том же 1761 г. в челобитной старосты села Конобеева Николая Анурина о передаче в ведение Шатской канцелярии малороссиян сёл Рудни и Елани упомянуто, что они «по добровольному своему желанию ... предались под смотрение и ведомство Нарышкиной, которая на оное согласилась» [35, Вып. XXXI, с. 25–26], [43, с. 63].

В действительности трудно говорить о полной добровольности. Так, подпоручик Храмцов¹, приехав на Терсинский завод в ноябре 1761 г. угрожал находящимся при нём малороссиянам «выжжением и выгнанием из слободы», что в условиях наступающей зимы не оставляло им никакого иного выбора. Кроме того, по словам Морозовой «Соляная контора по неправильному отнятию их от завода не заступилась» [16, л. 431 об.].

В 1763 г. приписные заводские крестьяне сообщают, что малороссияне живут на землях Нарышкина «из оброку» [16, л. 232]. Именно так Нарышкины постепенно закрепощали и других малороссийских поселенцев. Сначала предлагали им платить небольшой оброк в обмен на пользование землёй (3 копейки с «дыма»), а затем закрепляли их за собой, записав в ревизские сказки [34, с. 65], [55, с. 38].

По свидетельству работавшего здесь с 1767 г. межевщика капитана Петра Тихменева места эти были беспокойными: «около слободы Рудни всегда видимы бывают разбойники, да и в самой слободе чинится великие воровства». Проводя 23.10.1767 г. с напарником Нефедьевым съёмку земель, они подверглись нападению малороссиян, которые избили сопровождавших их казаков, а одного взяли в плен. Более того, подложили ему в месте расквартирования в Рудне мёртвое тело, обвинив в убийстве. Пленного казака удерживали скованным и отпустили, привезя в Саратов,

¹ Он был прислан в этих места из Шацка для взыскания пошлин с ясачных крестьян упомянутых посёлков.

только 05.11.1767 г. В своих рапортах Тихменев сообщал, что пока малороссияне не будут успокоены, продолжать полевые работы он не в состоянии. Впрочем, при рассмотрении дела выяснилось, что и сами отправленные на межевание офицеры и казаки тоже не были безгрешными – они разграбили в слободе Успенской питейный дом, избили целовальника, украли денег на 182 рубля, 21 ведро вина и другое имущество [20, л. 6, 10–13].

Вольный нрав малороссийских жителей ещё не раз проявился и в последующие годы. Ещё в 1765 г. жители соседней слободы Краснояровки учинили неповиновение Нарышкиным. Волнения были настолько сильными, что даже рота солдат и 50 казаков, отправленные для их усмирения из Хопёрской крепости, не смогли с ними справиться – малороссияне Краснояровки попросту не допустили их в свою слободу.

В 1769 г. волнения вспыхнули уже в четырёх слободах: Красавке, Елани, Рудне и снова в Краснояровке (о чём упоминал ещё С. М. Соловьёв [49, с. 1018–1019]). Согласно докладу Сената, волнения удалось подавить только в первых двух слободах. Для усмирения малороссиян остальных слобод, Рудни и Краснояровки – по мнению Сената (учитывая негативный опыт 1765 г.) требовалась военная команда численностью не менее 300 человек. Воронежскому губернатору Маслову последовали указы (в сентябре из Сената, а в октябре из Военной коллегии) с требованием прикомандировать казаков из Новохопёрского батальона. Такая команда под командованием Артемия Мандорова, укомплектованная в том числе артиллерией, вступила в Рудню 16.06.1770 г. (по словам Морозовой «на наш завод») [16, л. 447, 450–452].

Видимо в ходе этой кампании волнения малороссийских крестьян в Рудне были подавлены. Правда, уже через 4 года, летом-осенью 1774 г., жители Рудни и других близлежащих малороссийских слобод оказали содействие восставшим под предводительством Емельяна Пугачёва, предоставив им лошадей, ружья и деньги [54, с. 102–103].

В процессе опекунского межевания 1767–72 гг. (о нём ниже) Нарышкиным удалось оформить границы земельных владений таким образом, чтобы согласно нормам земли, установленным указом 1765 г. (15 десятин на каждую душу мужского пола), хватило на количество поселившихся на их бортных ухажьях мало-

россиян, таким образом, сделав первый шаг для легализации своей собственности на землю. Следующим шагом и ключевым моментом в процессе закрепощения малороссиян слободы Рудни стало составление сказки 4-й ревизии 1782 г., в которой они показаны в вотчине А. А. и Л. А. Нарышкиных. Практика по другим слободам показывает, что Сенат отказывал малороссиянам в праве ухода от Нарышкиных, даже если они действительно могли подтвердить, что были выходцами из других мест, на том основании, что они были записаны за Нарышкиными в 4-ю ревизию, а значит закреплены в их вечное владение [47, с. 86–87].

Окончательно закрепощение малороссийского населения Рудни произошло по указу 3.05.1783 г. [44, Т. XXI, № 15724], согласно ч. II, п. 9 которого, малороссияне, поселённые в великороссийских губерниях, стали обязаны платить подушный оклад наравне с казёнными и помещичьими крестьянами, а их побег стал караться такими же санкциями, что действовали для крепостных крестьян.

После перехода слободы Рудни под управление Нарышкиных в 1760-х гг., последние, вероятно, способствовали её активному заселению – в 1760-70-е гг. произошёл резкий рост населения, примерно в 10 раз по числу душ мужского пола. Возможно, в это время малороссияне всё ещё продолжали работать и на соляных промыслах¹, однако в 1780-х гг. этот бизнес стал невыгодным [57, с. 158], а после написания их Нарышкиными в 4-ю ревизию и распространения на них подушной подати по указу 1783 г. вряд ли возможным. Впрочем, эта тема – предмет последующего исследования.

Выше упоминалось о том, что Соляная контора не заступилась за малороссиян Рудни в их конфликте с управляющими Нарышкиных. Можно привести и противоположные примеры – когда уже закрепощённые крестьяне выкупались у помещиков. Так произошло со слободами Красный Яр и Песчанка², в кото-

¹ Про слободу Краснояровку в документе 1765 г. сказано следующим образом: «которая была ведомстве в Низовой соляной канторе, а ныне она состоит праздна» [16, л. 329, 345 об.]. Напомним, что в этом году в ней вспыхнуло восстание.

² Позже хут. Петрулин на р. Иловле.

рых казна в 1805–06 г. выкупила у помещиков 2782 душ малороссиян для работы на Эльтонских соляных промыслах¹, освободив их от рекрутской повинности и наделив землёй (часть крестьян приобрели землю под ссуды соляной конторы). Крестьяне, приписанные к Эльтонскому озеру по указам 1797–98 гг. имели особые льготы, хотя их работу нельзя было назвать лёгкой. В последующем с упразднением сословия чумаков в 1827 г. они были причислены к государственным крестьянам, поэтому в середине XIX в. Красный Яр имеет статус казённой слободы, тогда как слобода Рудня – владельческой [25], [26], [33], [47, с. 87–88], [55, с.37–38].

Межевание земель в Рудне

Конечно, нам интересен вопрос, в какой части Рудни в XVIII в. располагалось поселение заводских ясачных крестьян, а в какой – малороссиян, а также где именно находился сам железодобывающий завод. Архивные документы показывают, что процесс формирования административно-территориального деления на этих территориях, а также размежевания границ слободы малороссиян и села бывших заводских крестьян были довольно сложными и запутанными. Начнём с того, что при проведении первых опекунских межеваний в 1767–72 гг. и составления соответствующего плана малороссийская слобода Успенская – Рудня господ Нарышкиных состояла в Саратовском уезде, а одноимённое село заводских и ясачных крестьян бывшего железного завода (которая располагалась внутри владений Нарышкиных!) отнесена к Дмитриевскому уезду [4]. Более того, внутри этого участка ясачных крестьян на реке Терсе при впадении в неё речки Щелкана находилась мельница, которая в конце XVIII в. принадлежала Нарышкиным.

Для определения точного местоположения завода мог бы помочь чертёж окружающей местности – таковые нередко встреча-

¹ Возможно, решение по выкупу крестьян именно Краснояровки было связано с тем, что она в большей степени чем Рудня состояла из соляных возчиков, так как возникла в местах, первоначально отведённых для их стоянки по реке Медведице.

ются по другим заводам. Действительно, в обширной документации о Терсинском заводе упомянуты несколько чертежей. Так, И. Морозов к своём доношению в Берг-коллегию от 26.04.1744 г. (получено 17.05.1744 г.) приложил чертёж «занятому месту и округ его лежащим рудным и протчим необходимо нужным местам»¹ [11, л. 104, 107 об.], [12, л. 130], [13, л. 222 об.]. Согласно сообщению И. Княгинкина от 31.05.1754 г., он отправлялся на место «для осмотру заводов и составления чертежа» [11, л. 329]. В. Раздеришин в феврале 1764 г. сообщает о «положенных мною на план урочищ», причём в те годы эти «сочинённые им Раздеришиным планы» в оригинале находились в деле [16, л. 236 об., 256]. Однако ни один из упомянутых чертежей (планов) в фондах Берг-коллегии выявить пока не удалось.

Первое известие о необходимости размежевания земель под заводские нужды находим в донесении Морозова от 26.04.1744 г., где он просил оставшиеся после отделения ясачным крестьянам «дикие и порозжие места отдать и учинить отвод нам действительно», а рыбные ловли, неправомерно показанные в вотчинах Нарышкина, отдать заводу на условии оброка (заводчик полагал, что ряд озёр могли быть затоплены после построения плотины) [13, л. 226 об.]. Через несколько лет Кольцов в своём доношении в Берг-коллегию 15.08.1750 г. (подано 17.09.1750 г.) предлагал направить на завод подполковника Владимирского драгунского полка Фон Мардвица, находившегося поблизости от завода по поручению администрации Войска Донского и по указу Военной коллегии «для лучшего и достоверного в размежевании некоторых мест свидетельства» [11, л. 111 об.]. Впрочем, конкретных действий по этому вопросу произведено не было. Как сообщалось в статье об истории завода, в 1760 г. для заводских нужд Камер-коллегией было велено отмежевать четверть угодий по рекам Медведице и Терсе, ранее отданных на оброк ясачным крестьянам села Козмодемьянского Керенского уезда, однако данные земли отделены не были. Что касается малороссиян, то по сообщению Дмитриевской комендантской канцелярии от 1761 г., им

¹ На этом чертеже кроме прочего было указано предполагаемое место для строительства завода на реке Медведице, а также поселившиеся поблизости посёлки ясачных крестьян.

земля при заводе была отведена указом из Соляной конторы (с представлением в Камер-коллегию), который в то время находился в распоряжении канцелярии [16, л. 193 об.–194]. Впоследствии, впрочем, она числится за Нарышкиными.

Рассмотрим теперь непосредственно процесс межевания, целью которого было установление границ (межей) между различными владельцами (в том числе государством), и в ходе которого в Рудне были размежеваны земли между приписными заводскими крестьянами и малороссиянами. Необходимо сделать несколько общих замечаний. Землеустройство в Среднем Поволжье имело ряд ключевых особенностей. Во-первых, из-за более позднего заселения данного региона, здесь в отличие от центральных районов не сформировался комплекс писцовых материалов XVII в., широко использовавшийся при доказательстве прав владения землёй при проведении генерального межевания в землях центральной России во второй половине XVIII в. Во-вторых, значительные площади малозаселённых поволжских земель были выделены под поселение иностранных колонистов, приглашённых в Россию по манифестам Екатерины II 1762 и 1763 гг. Наконец, собственно генеральное межевание в этих краях (Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях) началось существенно позже центральных и даже южных губерний, а именно в 1798 г.

С целью наделения новых подданных землёй были изданы ряд законодательных актов, на основе которых с 1765 г. начало проводиться межевание, которое получило название опекунского¹. Базовые принципы были сформулированы ещё в 1764 г.² – иностранные колонисты наделялись удобной землёй в размере 30 десятин на семью, в том числе на территории Саратовской провинции Астраханской губернии.

¹ Канцелярия опекунства иностранных – центральное государственное учреждение (на правах коллегии), созданное в 1763 г. для управления процессом поселения иностранных колонистов.

² Высочайше утверждённый доклад Сената 19 марта 1764 г. – О размежевании земель, назначенных для поселения выезжающих иностранцев» [44, Т. XVI, № 12095].

Собственно опекуновское межевание начинается после издания в 1765 г. указа¹ для защиты прав смежных владельцев, которые в случае недостатка земли могли претендовать на расширение владений исходя из нормы 15 десятин на душу мужского пола². Порядок реализации указа 1765 г. был закреплён Межевой инструкцией 1766 г. [44, Т. XVII, № 12659]. Наконец, 30.04.1766 г. в Саратове была учреждена Контора Канцелярии опекуновства иностранных [44, Т. XVII, Примечание к № 12630]. Подробнее об опекуновском межевании на землях будущей Саратовской губернии см. [41].

В Рудню первым межевщиком из Канцелярии опекуновства иностранных был прислан капитан Родичев, который зимовал на заводе со всей командой с декабря 1766 г. по март 1767 г. Затем, с июля 1767 г. здесь находился межевщик капитан Пётр Тихменев с подпоручиком Нефедьевым и прапорщиком Ступиным «для межевания малороссийской Успенской слободы – Рудня тож». 16.07.1767 г. он взял сказки со старожилов малороссийской слободы, которые показали, что поселились здесь на «дикопорозжей государевой земле» в 1742 г.³ В следующие годы завязалась переписка, смысл которой сводился к принятию решения, следует ли малороссиянам, поселившимся на землях в пределах владений (бортных ухажьев) Нарышкиных, а не на государственных землях, отмежевывать землю по упомянутому выше указу от 8.12.1765 г. [19, л. 123–126]. В деле решения нет, но, судя по последующим документам, оно было положительным.

В 1768 г. Тихменев собирал сказки уже с крестьян Терсинского завода, в которых они сообщили, что имеют общее владение с малороссиянами, но на какой земле поселены не знают⁴

¹ Именной Указ 8 декабря 1765 г. – О обмежевании земель под население иностранных колонистов [44, Т. XVII, № 12519].

² Нужно отметить, что эта пропорция редко применялась в том же Центральном Нечерноземье из-за отсутствия достаточного количества свободных казённых земель для прирезки.

³ В августе 1772 г. поверенные Нарышкиных во главе с Дубровским уже заявили Тихменеву, что их слобода поселена не на государственной, а на крепостной земле, пожалованной боярину Л. К. Нарышкину, правда, для подтверждения прав владения «крепостей не предъявили» [4], [6].

⁴ Хотя в своём прошении в 1763 г. упоминали, что завод «заведен на дикой порожней земле» (см. статью по истории завода).

[3, л. 409 об.–410], [4], [6]. В том же году намежевал им земли исходя из количества душ мужского пола по 3 ревизии [1, л. 46], а 20.09.1768 г. принял в казну от Морозовой сенные покосы по правую сторону речки Щелкана до реки Терсы под поселение иностранцев [16, л. 434–435, 458].

В рапорте, поданном 30.08.1770 г., Тихменев сообщает, что план Рудни закончил¹, но на показанное на заводе по 3-й ревизии количество душ (184 мужчин с учётом 14 поляков) не хватило площади сенных покосов, поэтому он предложил намежевать отхожие луга в 6-7 вёрстах от Рудни, при устье речки Разливки, для пользования приписными крестьянами в течение 10 лет [21, л. 6–7].

Судя по более поздним документам, результаты опекунского межевания Рудни были утверждены в 1772 г.² В этом году заводским крестьянам в десятилетнее безоброчное владение был выделен предложенный участок сенных покосов (181 десятина), находившийся по течению реки Разливки на правой стороне, который и использовался ими на протяжении указанных 10 лет [3, л. 409 об.].

Как позднее (в первом десятилетии XIX в.) отмечали поверенные от ясачных крестьян Григорий Кузнецов и Леонтий Тулупников, до опекунского межевания земли и лесные угодья при Рудне состояли в их совместном чересполосном владении с малороссиянами – подданными Нарышкиных, а с 1772 г. земля им была намежевана порознь, по 15 десятин на каждую душу мужского пола. Более того, они утверждали, что их предки поселены здесь «из давних лет и весьма задолго до 765 года». Тоже показывали и человек пять понятых сторонних людей, заявив, что помнят, как казённые крестьяне уже жили в Рудне «назад тому лет тридцать» [1, л. 41–41 об.], [3, л. 409].

¹ Напомним, что буквально за два месяца до этого в Рудне были подавлены волнения малороссиян, которые препятствовали межевым офицерам закончить свою работу, начатую в 1767 г.

² Известно, что материалы опекунского межевания в виде обособленного комплекса документов не сохранились [41, с. 71]. Однако, несмотря на это в фондах РГАДА удалось обнаружить один уменьшенный план Рудни, относящийся к этому межеванию, составленный Тихменевым уже в звании секунд-майора, предположительно в 1771–72 г.

Рис. 2. Межевой план села Успенского – Рудня ясачных крестьян, 1801-1804 гг.

Впоследствии, на протяжении конца XVIII – начала XIX вв., границы земельных владений в окрестностях Рудни ещё не раз менялись (но не внутри самого населённого пункта). В 1793 г. ясачным крестьянам землемером фон Бриксом была прирезана земля с угодьями «на прибылые по 4-й ревизии 61 душу»¹ мужского пола – урочища от устья речки Разливки и вниз по течению реки Терсы по правой стороне², затем там же на число прибылых душ по 5-й ревизии [1, л. 19], [2, л. 54 об.]. Нарышкины в свою очередь стремились вернуть свои земли, отрезанные от их владений по опекунскому межеванию в 1772–73 гг.³

¹ Хотя по данным самой 4-й ревизии значится 85 прибылых душ [29, л. 1025 об.].

² Впрочем, поверенные Нарышкиных в спорном деле за 1802–04 гг. заявляют, что результаты этого межевания были уничтожены указом Саратовского губернского правления от 18.10.1793 г. [1, л. 41].

³ Только в РГАДА и только по Рудне сохранилось около 10 подобных спорных дел за начало XIX в. Всего же по разным местам Саратовской губернии Нарышкины оспаривали отрезанной по опекунскому межеванию земли не менее чем на 212 тыс. десятин, на что несколькими реше-

Как уже упомянуто, Генеральное межевание началось в Саратовской губернии в 1798 г. Земли при Рудне были размежёваны в 1799 г. На основе сохранившихся утверждённых планов мы можем проследить следующую историю этих мероприятий.

По части Рудни, принадлежавшей государственным крестьянам, межевание начато 26.10.1799 г. землемером Томилиным, межа утверждена по решению Саратовской межевой конторы 20.05.1801 г. землемером Долговым (см. Рис. 2), а после переосвидетельствования неудобных мест новый план выпущен в 1811 г. землемером Спасеновым. Наконец, по указам Саратовской межевой конторы и Межевого департамента Правительствующего Сената старший землемер Сергей Неболсин 23.07.1827 г. утвердил межу по новой нарезке и отрисовал новый план (см. Рис. 3) [5], [9].

Межевание малороссийской части слободы Успенской – Рудни (с хуторами Баранниковым и Нижним Терсинским) также начато в 1799 г. землемером Томилиным, межа утверждена 15.07.1804 г. землемером Мазуриным, а по указу Саратовской межевой конторы и по поверке с межевой книгой план создан 5.11.1819 г. землемером Фёдоровым (см. Рис. 1). В связи с отклонением магнитной стрелки план скорректирован 14.05.1859 г. особым землемером А. Васильевым [7], [10].

Таким образом, Нарышкиным в ходе проведённых межеваний удалось закрепить за собой земли с поселёнными на них малороссиянами, хотя первоначально здесь находились лишь их бортные угодья. Что касается заводчиков Морозовых, то согласно Берг-привилегии 1719 г. и Берг-регламента 1739 г., они имели право разрабатывать месторождения и построить завод, в том числе и на чужой земле (с оплатой владельцу части прибыли), причём отвести к нему необходимое количество земли и передать завод по наследству. Именно поэтому, уже в ходе опекунского межевания в пределах угодий Нарышкиных появился участок казённой земли, намежёванный приписным заводским крестьянам, который к тому же был расширен следующими межеваниями на число прибылых душ по 4-й и 5-й ревизиям. А вот по указу Камер-коллегии от 1760 г. земля к заводу так и не была отделена.

ниями Сената в 1803 г. было велено возвратить им эти земли, «чтобы они прекратили все свои иски и дела по древним бортным ухояям» (цитата по: [56, с. 79–80]).

Согласно планам сначала опекунского 1767–72 гг., затем генерального и специального межеваний 1799–1840-х гг. чётко видно¹, что поселение бывших заводских крестьян (затем ясачных, а позже государственных), которые во 2-й половине XIX в. принадлежали ко 2-му крестьянскому обществу Рудни, состояло из двух частей. Первая часть располагалась на правой стороне реки Терсы – в пределах современного села Русская Бундевка, а другая – на западной окраине Рудни («Ясаки»), в современном посёлке – это часть улицы Октябрьской приблизительно за ул. Пионерской. Малороссийская же слобода (будущее 1-е крестьянское общество) – это центральная часть, немного «накрывавшая» отрезанную государственным крестьянам с севера – современные улицы Толстова, Жеребцова, Лемешкина, примерно до нынешней церкви, а также восточная часть – «Хохлацкая Бундевка»².

Бундевка, завод и мельницы

Выше было показано, где в конце XVIII в. находилось поселение бывших заводских крестьян. Следует отметить, что множество фамилий заводских работников из списков 1747–65 гг. фиксируются и в ревизиях середины XIX в. среди государственных крестьян, а также в Русской Бундевке на рубеже XIX–XX вв., а именно Бабин, Валиков, Галкин, Девяткин, Дерябин, Землянский, Кузнецов, Мелников, Поляков, Рзянин, Русков, Рыльщиков, Смирнов, Соловьев, Сухов, Тулупников, Федулов, Шибает и др.

Несколько слов о возможном происхождении названия села Русская Бундевка. Автор обратил внимание на то, что в некоторых источниках встречается вариант «Будневка». Так, в документе за 1929 г. читаем: «В сёлах Лемешкино и Р. Будневка Руднянского района кулаки агитируют против нового закона о едином с/х налоге» [53, с. 598]. В 1915 г. упомянут участник Первой мировой войны Рзянин И. Ф., уроженец Будневки [27].

¹ Фрагменты планов также размещены в сети Интернет по адресу: <http://forum.vgd.ru/post/6183/158420/>.

² На старых планах видно, что расширение малороссийской Рудни на восток было ограничено озером Вальковым, которое почти соединялось с озером Хориным (Хориновским, ныне Харына) (см. Рис. 1).

Наконец, самое раннее выявленное упоминание содержится в справке Саратовской межевой конторы, в которой сообщалось, что 31.05.1805 г. в Рудню для установления межи ясачных крестьян и прекращения их вражды с малороссиянами Нарышкина прибыл ассессор Саратовской казённой палаты господин Зотов. При определении качества земель он так описывает свой путь: по дороге из слободы Рудни в слободу Ильмень, «перейдя реку Терсу ... земля, на коей состоит часть села Успенского – Рудня тож, называемая Буднявкою»¹ [3, л. 481–482].

Казалось бы, это простая ошибка по неграмотности... Но, скорее всего, мы имеем дело с фонетическим процессом, который в лингвистике носит название метатеза и заключается во взаимной перестановке звуков или целых слогов внутри слова². Метатеза чаще всего возникает при заимствовании новых слов и имён из другого языка: талерка (от нем. Teller) → тарелка, такелаж → каталажка, Флор → Фрол, Сильвестр → Селиверст, а также при переходе слова из литературного языка в разговорную речь: табуретка → тубаретка, дуршлаг → друшлаг. Встречаются такие перестановки и в названиях населённых пунктов. Так, автором ранее было выявлено происхождение современного названия села Протоchnого Чернянского района Белгородской области путём трансформации из исходного названия Портоchnое, бытовавшего в XVII в. В нашем случае наблюдается перестановка согласных, которая учёными-лингвистами рассматривается как наиболее частая. Вместе с тем наука о языке отмечает отсутствие каких-либо чётких законов метатезы и принимает определённую спонтанность данного явления [42, с. 67, 129–130].

Выскажем гипотезу, что первоначальное название этой части Рудни, находящейся на правом берегу Терсы, было именно Бўднєвка (Буднивка, Буднявка), но с целью устранения неблаго-

¹ Вместе с тем, в одном из рапортов Саратовской межевой конторы в Правительствующий Сенат (а именно от 28.12.1808 г.), на который ссылается в своём реферате А. А. Рзянин, записано «называемая Бундивкою» [32, л. 39, 43].

² Метатеза – это подвид более широкого явления метаплазма (трансформация звучания, реже написания слова, преимущественно с целью устранения неблагозвучия).

звучия трансформировалось в Будневка. Вариативность гласного во втором слоге свидетельствует о том, что и в начале XIX в. ударение подало на букву «У». Но тогда это название можно связать со словом будник, которых при заводе согласно ведомости 1747 г. числилось три человека¹. Так кто же такие будники?

Будники² – крестьяне, занимавшиеся различными лесными производствами, связанными с термической обработкой древесины для получения смолы, дёгтя, поташа, древесного угля, селитры³. Это слово присутствует во многих славянских языках⁴. Ещё одно название профессии (особенно в северных губерниях) – углежоги (жигари) с акцентом на производство древесного угля.

Как упоминалось в предыдущей статье, работники завода – жители посёлка, из которого выросла Русская Будневка (Будневка) – для производственных нужд занимались углежжением («зжением угля»), а также дёгтекуреньем («сидкой дехтя») [11, л. 108 об.], [16, л. 352]. Но в этом случае вполне логичным становится объяснение и происхождения названия Хохлатская Будневка, которая находится в противоположной юго-восточной части села. Значит здесь первоначально проживали малороссияне, которые также работали при заводе (в отличие от поселившихся в 60-70-х гг. XVIII в. в центральной части) и занимались, в том числе, углежжением.

¹ Родом из с. Винного Майдана Нижегородского уезда, где их отец работал при производстве поташа.

² В словаре Брокгауза и Ефрона: Будники или Будаки – бывшие будные майданные крестьяне, некогда приписанные к казённым будным майданам, т. е. к поташным или смолочужным заводам, а в Малороссии – к селитряным. Буда, будный стан (майдан, гарт) – постройка в лесу (также казённый завод) для выварки поташа, сидки смолы, дёгтя [58, Т. 4А, с. 836, 852].

³ Дёгтекурение (производство берестового дёгтя), смолочурение (получение сосновой смолы), и углежжение (производство древесного угля) – старейшие русские лесохимические кустарные промыслы.

⁴ Особый интерес представляет повесть «Будник» польского писателя Ю. Крашевского, вышедшая в 1852 г., в которой он ярко описывает быт особой народности Полесья, называемой «будниками» или «мазурами», которые издавна гнали дёготь, смолу, делали поташ: «Где прошёл будник с топором на плече и ружьём, связанным снурками – за ним оставались глухая тишина, пни и сгнившие колоды» [38].

По поводу возможного местоположения Терсинского завода можно сказать следующее. Как известно, в документах о постройке завода его нахождение обычно указывается следующим образом: «на устье реки Терсы» или «на реке Терсе близ устья оной»¹. Место впадения Терсы в Медведицу от центра Рудни находится на расстоянии 8 км по прямой. Однако, на межевых планах (в том числе опекунских 1667–72 гг.) нет признаков каких-либо строений вблизи устья Терсы (кроме хутора), зато в Рудне показана мельница, находившаяся на Терсе сразу после впадения в неё Щелкана (о ней ниже). Как отмечалось выше, бывшие заводские крестьяне сообщали, что поселились здесь (в казённой части Рудни) задолго до 1765 г. Их земельные владения в конце XVIII в. на правой стороне Терсы вниз по течению заканчивались между балкой Малой Долгой и современной дорогой на Лопуховку (напротив Коленца на Терсе). Однако, нигде в документах о заводе не удалось выявить упоминаний о факте переселения заводских крестьян на новое место после его закрытия. Более того, как показано выше, в документах прямо говорится о нахождении завода в Рудне, где вплоть до 1772 г. владения бывших заводских крестьян и малороссиян были общими (чересполосными).

На первый взгляд может сложиться впечатление, что Нарышкины в своих челобитных 1760-х гг. упоминают о переселении заводчан: «Морозов, видя, что содержателем одного заводу остался один, оставя свое к заводу рачительство, тех приписных людей и пришедших к нему малороссиян в отдаленности от онаго завода поселил». То же отмечает находившийся в ноябре 1761 г. на заводе Храмцов: «приписные к тому заводу крестьяне жительство имеют не на том заводе, но по отдалении особливими дворами». На что Морозова в 1762 г. в Дмитриевской канцелярии поясняла, что живут они «не более как в полуверсте, на таком месте, где поляя вешная вода не потопляет» (заводские постройки весной регулярно подтапливались). Наконец Раздеришин в 1764 г., по видимому, более точно оценил это расстояние, заключив, что «приписные к тому заводу люди жительство имеют от онаго за-

¹ Где-то в этих местах в 1723 г. была поселена Я. Житковым малороссийская слобода Устья речки Терсы (см. например [24, л. 173]), которая вскоре (в 1728 или 1729 г.) была уничтожена (выжжена) как незаконное поселение, а малороссияне подлежали высылке на родину (без наказания).

вода в двух верстах в селе Успенском» [16, л. 141, 150 об., 195 об., 236 об.]. Если считать две версты от ближайшей окраины тогдашней Бундевки – это примерно центр современной Рудни, если от западной окраины Рудни – то в районе Бегучки¹.

Дополнительную привязку к местности может дать следующий документ. К сказке Морозовой, поданной Петрулину 05.03.1765 г., приложена ведомость с описанием рудников, а также окрестных населённых пунктов с указанием расстояний до них от завода. В этом списке находим: село Усть-Добринка (Рождественское) на расстоянии 12 вёрст от завода, слобода Краснояровка (Никольская) – 20 вёрст, посёлок Матышев – 25 вёрст² [16, л. 328 об.–330, 345 об.]. Причём у Минха на конец XIX в. от Красного Яра до Рудни (до её центра или ближайшей окраины – не ясно) считалось 15 вёрст [39, с. 540], то есть даже ближе, чем по ведомости Морозовой до завода. В любом случае расстояние от устья Терсы (если считать, что завод находился именно там) до Красного Яра оказывается существенно меньше. Привязка по расстояниям с трёх сторон – от Красного Яра, Матышево и Нижней Добринки – даёт местонахождение завода приблизительно в средней части Рудни. Что касается сведений о расстояниях, содержащихся в Списке населённых мест Саратовской губернии по сведениям за 1859 г. [50, с. 55] – их нельзя признать пригодными для использования в нашем анализе³.

¹ О том, что заводская плотина находилась в районе «Коленца» и «Бегучки» писал краевед Е. В. Хорошунов [45].

² Кроме того, указаны расстояния до селений: Верхняя Добринка (Покровское), Козмодемьянское (Грязнуха), Золотовская волость, Терса (Никольская), Елань, но в данном случае они нам менее важны.

³ Так, казённая деревня Рудня показана дальше от уездного города чем владельческая слобода Рудня (110 вёрст, против 95), но ближе от становой квартиры (50 против 60 вёрст), хотя и Камышин и Котово лежат в одной стороне. Подобное наблюдается и по другим населённым пунктам: Красный Яр и Терсинка (Мазуровка) показаны на одном расстоянии от Камышина (что уже вызывает сомнение), но от Котово Терсинка оказывается на целых 15 вёрст дальше. Впрочем, можно предположить, что из Котово в Рудню нужно было ехать совсем другой дорогой (с юга), и тогда в слободу можно было попасть только через Бундевку. Но это не объясняет других несостыковок (например, одинакового расстояния до Красного Яра и Терсинки по одному и тому же торговому тракту из Камышина).

Теперь о мельницах. Основной вопрос, который пока не разрешён (он зависит от конкретного местоположения завода) – были ли здесь в XVIII в. две или три мельницы. На нескольких межевых планах начала XIX в. (см. Рис. 2, 3) на Терсе после впадения в неё Щелкана обозначен мост, по которому из центральной части Рудни пролегла дорога в Бундевку. Здесь же обозначена и мельница.

Рис. 3. Межевой план села Успенского – Рудня ясачных (государственных) крестьян, 1827 г.

Хронология документальных упоминаний о мельнице (мельницах) выглядит следующим образом. Ещё в ведомости заводским строениям, составленной Морозовым в 1746 г., указана заводская плотина, на которой на левой стороне реки в мельничном амбаре «два постава жерновых камней, одна толчея» [11, л. 112 об]. В журнале осмотра завода И. Княгинкиным за 1754 г. на заводской плотине отмечена мучная мельница – также на левой стороне, но с одним поставом и двумя валами в толчее – на 9 и 2 песта (второй – для промывки руды) [11, л. 333–334]. В описи завода за 1758 г. упомянуты уже две мельницы: одна (на плотине) с двумя поставами, из которых один в действии, на второй также два постава, а также толчея просыная (8 пестов) и сти-

ральная (2 песта). При второй (нижней) мельнице имелся двор для приезда заводчицы [14, л. 64 об., 66]. В доношении Низовой соляной конторы от 1760 г. отмечено, что приписные крестьяне и малороссияне по указанию заводчиков в прошлые годы построили на речке Терсе две мельницы [16, л. 143]. Сами же крестьяне в 1763 г. сообщают, что ранее по указанию Морозовых «пониже заводской плотины построили мельницу» [16, л. 231]. В 1764 г. В. Раздеришин упоминает плотину с двумя прорезами – один для действия завода, другой для мельницы: «построено хлебная мельница о двух поставах, да для дела круп толчея» [16, л. 235].

Из всего этого множества фактов пока становится ясно, что заводская плотина с мельницей находилась выше по течению чем другая мельница (нижняя). Можно предположить, что нижняя мельница располагалась в районе хутора Нижнего Терсинского, который в 4-й и 5-й ревизиях так и назывался – Нижняя Терсинская мельница (позже деревня Терсинка или Мазуровка). В пользу этого свидетельствует тот факт, что двор Морозовой при нижней мельнице был не один, в 1758 г. здесь упомянуты и другие дворы, в том числе малороссиянина Ивана Карабата. Отметим, что в 4-й ревизии 1782 г. в этом хуторе кроме прочих записан малороссиянин Филип Карабут [21, л. 1084], наконец, менее чем в километре на северо-запад от Терсинки находится озеро Карабутово. Кроме того, на дворе заводчицы при нижней мельнице в 1758 г. находились ряд построек: горница, изба и сени между ними, баня с предбанником, птичья изба, сарай, амбар, погреб, хлев, также поблизости имелись пасеки на 109 ульев и хранились 103 стога сена. Очевидно, что кто-то должен был поддерживать всё это хозяйство, так что наверняка поблизости от мельницы уже тогда должно было находиться небольшое поселение.

В статье об истории Терсинского завода упоминались следующие факты. В 1761 г. Храмцов у Морозовой «отнял заводские плотины и построенные на них мучные мельницы». Добавим сюда, что эти две мельницы с толчеями «строены тому лет с восемь» [16, л. 195]. Через несколько лет, в 1764 г., приказчик Нарышкиных Дубровский разобрал (сломал) дом Морозовой при нижней мельнице.

С учётом этих дополнительных сведений можно предположить, что нижняя мельница построена либо после 1754 г., либо не

предъявлена (утаена) при осмотре Княгинкиным, как не имевшая непосредственного отношения к заводу. Обращает на себя внимание отсутствие в описи 1758 г. на первой мельнице толчеи, в которой один из валов использовался для промывки руды. Вероятно, после остановки завода она была перевезена на новопостроенную нижнюю мельницу, где использовалась для переработки проса в пшено, а также для стирки (?) сукна («стиралная сукнам»)¹. После отъёма плотин и дома Морозовой приказчиками Нарышкиных нижняя мельница в документах уже не фигурирует, а толчея снова появляется на мельнице при заводской плотине.

В документах последующих лет упоминается только одна мельница, уже принадлежащая Нарышкиным. Так, в спорных делах начала XVIII в. идёт речь о мучной водяной мельнице на речке Терсе «в урочищах на Горелой Сарме, о двух поставах и один толченой вал». Согласно ведомости о казённых землях, она была положена в оброк, а с 1795 по 1799 гг. отдана атаману слободы Рудни Божку. Причём, как сказано в выписке, над текстом «очисткой» (т.е. исправлено позже!) оговорено: построена по указу Керенской воеводской канцелярии от 22.07.1776 г., выданному ясачному крестьянину деревни Матышево. Определением Казённой палаты 1798 г. мельница утверждена в безоброчном владении Нарышкиных [1, л. 46 об.–47]. При межевании в 1799 г. мельница по документам осталась за Нарышкиными. Однако позже ясачные крестьяне заявили, что эта мельница «заведена оными в давних годах» (в 1806 г. сгорела, затем была отстроена вновь). Оказалось, что местный священник Никита Степанов (который в межевых документах подписывался за поверенного от ясачных Тулупникова) вступил в сговор с землемером, так как являлся племянником управляющего вотчинами Нарышкиных Александра Божко² [3, л. 491–491 об.], [32, л. 48 об.–49]. Что интересно, на сохранившемся межевом плане земель ясачных крестьян от нача-

¹ Если данное предположение верно – это дополнительный аргумент в пользу того, что заводчица не планировала более использовать завод по назначению.

² Александр Божко также выступал поверенным от крестьян Нарышкиных при составлении межевых планов. По 4-й ревизии 1782 г. сын Афанасия Степановича Божко [29, л. 1035].

ла XIX в. именно на месте выделенного участка с мельницей, находившегося внутри их владений¹, зияет дыра, что может свидетельствовать о попытке одного из участников конфликта скрыть свидетельства наличия этой мельницы (см. Рис 2).

На более поздних планах середины XIX в. участок с мельницей не ограничен, значит ясачным (тогда уже государственным) крестьянам удалось вернуть его себе (см. Рис. 3). Согласно дневникам местного учителя В. Д. Свечникова, в 20-е гг. XX века мельница ещё существовала: «Терса вдоль Русской Бундевки была неширокая, а под горой была плотина и стояла водяная мельница» [46].

Так сколько же было мельниц?.. Если с нижней всё более-менее понятно, а также нет сомнений, где с конца XVIII в. находилась мельница при Бундевке, то вопрос с местонахождением заводской плотины с построенной на ней мельницей остаётся открытым. Можно предположить, что мельница при Бундевке была построена (перенесена на новое место) бывшими заводскими крестьянами через несколько лет после останковки завода (в 1776 г.?), когда заводская плотина уже окончательно обветшала, будучи поврежденной весенними половодьями. Сама же плотина могла находиться в районе Коленца до Бегучки (тот факт, что приписные крестьяне проживали от завода в двух вёрстах, не позволяет предположить, что она была первоначально сооружена при Бундевке). На межевых планах можно видеть дорогу, пересекавшую Коленце Терсы чуть выше современного старого моста (см. Рис. 1). Возможно, в этом месте и была плотина, так архивные документы упоминают имевшийся через плотину переезд в слободу Рудню. Однако, возможно в этом месте был брод или переправа.

Окончательные выводы о местоположении завода можно будет сделать после досконального изучения рельефа местности и русла реки Терсы при Рудне, в том числе учитывая наличие омутов как возможных свидетельств деятельности плотины.

¹ «Состоящей внутри оной дачи, вымежеванной на реке Терсе мучной мельнице, состоящей во владении ... Дмитрий Львовича Нарышкина» (см. Рис. 2) [5].

Вместо заключения

Таковы новые факты, относящиеся к истории Рудни периода XVIII в., выявленные в процессе проведённого исследования. Их скрупулёзное сопоставление и детальный анализ позволили сделать ряд важных выводов о времени и причинах появления здесь первых жителей, а также проследить несколько первых десятилетий их жизни. Следует отметить, что данная работа – только начало пути. По мере появления новых архивных материалов история будет уточняться. Кроме того, предстоит отдельная работа по сбору подробных сведений и восстановлению истории малороссийской части населения Рудни в XVIII в.

Список источников и литературы:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1335. Оп. 2. Д. 3389.
2. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 3794.
3. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 3795.
4. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 3796.
5. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 3797.
6. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 4492.
7. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 4499.
8. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 4500.
9. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 429, ч. 1. Д. У5(кр).
10. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 429, ч. 2. Д. У8(кр).
11. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 691.
12. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1006.
13. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1097.
14. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1160.
15. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1176.
16. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1219.
17. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2118.
18. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2142.
19. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 39.
20. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 113.
21. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 115.
22. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1355.
23. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1356.

24. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3105.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 558. Оп. 1. Д. 1193.
26. РГИА. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1194.
27. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Картоотека бюро учёта потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 2915-Р. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital20284147/, дата обращения: 15.09.2022.
28. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 289. Оп. 3. Д. 3.
29. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 28. Оп. 1. Д. 22.
30. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 73.
31. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 6400.
32. ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1107.
33. ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1315.
34. Акимова Т. М., Ардабацкая А. М. Очерки истории Саратова (XVII и XVIII в.). [Саратов]: Сарат. обл. изд., 1940. 112 с.
35. Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Вып. XXXI, XXXII. Тамбов, 1891.
36. Кашкин А. С. Устав православного богослужения: учебное пособие по Литургике. Саратов: Изд-во Саратов. митрополии, 2010. 687 с.
37. Краткие сведения о церквях Саратовской епархии, существующих при них причтах и о прихожанах: приложение к «Саратовским епархиальным ведомостям» № 8–11, 17–24 за 1895 г., № 1–7, 9, 11–15, 17–24 за 1896 г., № 1–5 за 1897 г. Саратов, 1895–1897. 631 с.
38. Крашевский Ю. И. Будник / Пер. А. Афанасьева. Киев, 1851. 240 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/krashevskij-yuzef-ignaci/budnik> (дата обращения: 20.05.2024).
39. Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Вып. 1–4. Саратов, 1898–1902.
40. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах чл. сотр. А.Н. Минхом. СПб. 1890. 152 с.
41. Охлопкова В. А. Сведения об «опекунском» межевании в Саратовской губернии в материалах спорных дел Генерального межевания // Историческое обозрение. 2021. № 22(22). С. 71–80.
42. Побидько З. В. Явление метатезы в системе лексико-фонетической вариантности слова : дис. ... кан. фил. наук. Псков, 2005. 178 с.

43. Подъяпольская Е. П. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда. [Саратов]: Сарполиграфпром, [1927]. 71 с.
44. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. В 45 т. СПб., 1830.
45. Рзянин А. А. Рудня - Камышинская (краткий исторический обзор VII–XIX вв.). Л., 1988.
46. Свечников В. С. Призма времени. Саратов: Саратовский гос. технический ун-т, 2016. URL: <https://pedagogia.pro/node/665> (дата обращения: 19.06.2022).
47. Северьянова А. А. Заселение Нижнего Поволжья украинцами // Историко-краеведческие записки / Волгогр. обл. краевед. музей, Гос. арх. Волгогр. обл. 1974. Вып. 2. С. 85–94.
48. Синельникова В. В., Гончаров В. А. Руднянский район Волгоградской области: Краеведческая мозаика. Вып. 4. Уголок глубинки сельской. Рудня, 2015.
49. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 6. Т. 26–29. СПб., 1896.
50. Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 38: Саратовская губерния ... по сведениям 1859 года. СПб. 1862. 130 с.
51. Списки населённых мест Саратовской губернии. Камышинский уезд. Саратов: Земская тип., 1914. 42 с.
52. Стеценко Е. Д., Беспяхотный Г. В. История Еланского района. Екатеринбург, Уральское изд-во, 2010.
53. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 880 с.
54. Тхоржевский С. И. Пугачёвщина в помещичьей России: Восстание на правой стороне Волги в июне-окт. 1774 года. Москва: Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и сс.-посел., [1930]. 207 с.
55. Хованский Н. Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии. [Саратов], 1911. 196 с.
56. Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времён до конца XVII века. Саратов, 1892. 81 с.
57. Шульга И. И. Поволжские солевозчики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5(24). С. 156–159.
58. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В 41 т. СПб., 1890–1907.